

Александр Кононенко
Обвинительница

Александр Кононенко

Обвинительница

<https://litres.ru/74459017>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда единственная лавка виниловых пластинок в провинциальном городе Лаплас оказывается на грани закрытия, девятнадцатилетняя Лиззи решает устроить рок-концерт, чтобы спасти место, ставшее для неё единственным домом. Но случайно найденная пластинка запускает древний ритуал.

Случайный ритуал связывает её с демоном перекрестка Инфиром, а в ней просыпается голод, которому невозможно противостоять. За Лиззи начинают охотиться порождения Ада, уверенные, что именно она способна изменить судьбу всего демонического мира. Чтобы выжить, ей придётся выпутаться из сделки с загадочным демоном перекрёстка, научиться видеть человеческую вину и разобраться, почему князь Ада готов уничтожить всё ради встречи с ней.

Но самая страшная тайна ждёт Лиззи не в преисподней

Содержание

1	4
2	10
3	20
4	28
5	33
6	39
7	43
8	47
9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Обвинительница

1

Мы одиноки, и нам нет извинений.

Жан-Поль Сартр, «Экзистенциализм это гуманизм»

Когда Иэн Кёртис умер, в его проигрывателе крутилась пластинка «The Idiot» Игги Попа. Всякий раз, когда я видела старину Игги на обложке этой пластинки, его застывшая во времени несуразная поза напоминала мне неловкую попытку извиниться за невольное участие в смерти лидера культовой пост-панк группы.

Впрочем, можно ли винить Игги Поп за случайное участие в смерти английского музыканта? Тем более, когда он всего лишь картинка в забавной позе. Значит, не стоит винить его и за то, что он не смог предупредить меня о моей грядущей участи.

Меня зовут Лиззи, и я тоже умерла под звуки крутящейся пластинки. Но не будем забегать вперёд.

Я жила в городке Лаплас. Каждое лето вереницы автомобилей, направляющихся к морю, проезжают мимо нашего города, не задерживаясь в нём дольше, чем на визит в магазин при заправке.

Важный факт обо мне — меня можно назвать повернутой

на музыке. И хоть при всех я зову себя меломаном, моя душа резонирует по полному только с хорошим пост-панк мотивом. Мало, кто может назвать день, когда сформировался его музыкальный вкус, но мне он точно известен.

Музыка спасла меня, когда моя жизнь окончательно полетела под откос. Когда мне было одиннадцать в моей семье произошла трагедия — без вести пропал мой младший брат. Это разрушило мои отношения с родителями, превратив их в каких-то холодных незнакомцев, вынужденных заботиться о моём выживании.

После школы я поступила в университет, что дало моим родителям возможность полностью исключить меня из своей жизни. Учёбу мне пришлось бросить уже на первом курсе, ведь отец кроме общения со мной прекратил и его оплату, а в срочном порядке заработать на жизнь и плату за учебу я была не в силах. Меня приютила моя шептунья подружка детства Оленька, с которой мы по сей день снимаем вскладчину жильё.

Я искала на что жить, перебиваясь временными работами, а по вечерам захаживать в бар неподалёку. Так как с наличными у меня было туго, я иногда разводила кого-нибудь на выпивку. В баре тот день было живое выступление какой-то местной группы. Помню, как буквально с первого трека у меня побежали по коже мурашки. Солист перебирал струны на жёлтой электрогитаре Ibanez и пел странный, депрессивный, но цепляющий текст. Барабанщик выдавал ритм словно

в трансе, а клавишник создавал холодную глубину их музыки. Это и был момент, когда я повстречала пост-панк.

Мурлыкая под нос услышанную мелодию, я отправилась искать «спонсора» на вечер. У меня было правило — избегать две самых опасных категории мужчин в баре: шумных и одетых в офисный галстук. Однако сегодня, видимо, находясь под впечатлением от музыки в баре, я пренебрегла им.

Сперва я подсела к мужчине за барной стойкой. На нём была серая шёлковая рубашка, застегнутая на все пуговицы, а его темные волосы были слегка взъерошены.

— Такой хороший вечер, — подсела я к нему. — Ты тут один?

— Хотелось бы, но разве можно уйти куда-то от своих поступков? — ответил он, и его тонкие губы скривила холодная насмешка.

— Эмм... Странный ты, — сказала я, решив переключиться на кого-то ещё.

Я прошлась по бару, увидела двух подходящих парней, но вспомнила, что уже разводила их пару недель назад. Один из них тоже меня узнал, поэтому я быстро опустилась за ближайший столик. Я оказалась напротив тянувшего бокал пива мужчины лет сорока. Его светлые волосы были зачесаны набок, а синий галстук сочетался с рубашкой в клетку.

— Ой, простите, — извинилась я.

— Да ничего, — улыбнулся мужчина. — Может вас угостить?

Я согласилась на коктейль. Потом еще на один. Иногда я разводила и на третий, но сегодня я чувствовала, что могу слишком опьянеть, поэтому решила уйти сейчас. Впрочем, я ошиблась — ноги уже еле держали меня. Я направилась к выходу, но кто-то схватил меня за руку. Опомнившись, я поняла, что клетчатый рукав, несмотря на все мои протесты, тянет меня в сторону туалета.

Я барахталась и звала на помощь, но над моими криками только смеялись. Особенно те двое, узнавших меня. Меня уже протащили практически через весь бар, когда моего обидчика наконец остановил хлесткий удар, отправивший обидчика в неоспоримый нокаут. Освободившись из ослабевшей хватки, я тоже повалилась на пол.

— Вы в порядке? — спросил мужчина, протягивая мне руку с покрасневшими костяшками. Выглядел он как сорокалетний рокер. На плечах у него была не новая, но очень приличная кожаная куртка, а волосы, заправленные в хвост на затылке, закачались, когда он наклонился ко мне.

— Этот мудака мне всю руку отдавил, кажется, синяк останется... Ах, да. Э-м-м... Спасибо. Где ты научился так драться?

— Бурная молодость. Тот, кто ездил по рок концертам в 90-х, волей-неволей учился постоять за себя. Можно вас кое о чём спросить?

— Можно, но, если что, слышь, я не из этих, — ответила я.

— Ха-х, — засмеялся он. — Я вовсе не хотел тебя обидеть. Меня кстати Роберт зовут, а тебя?

— Лиззи. Так что за вопрос?

— Я обычно не хожу в такие места, по крайней мере последние лет десять обхожу их стороной, но сегодня пришёл послушать игравших сегодня ребят вживую. Вроде бы, ты тоже была возле сцены. Думаю, у них большое будущее, а ты?

— Ох, да, — ответила я, задумавшись, что почти забыла о какой-либо музыке из-за того кретина. А ведь было бы обидно, если бы сегодняшний вечер запомнился мне только этой мерзкой ситуацией. — Да, они крутые. Первый раз встретила такое необычное сочетание звуков. Как бы это назвать, их странная музыка словно стремится показать нам прекрасное в неприглядном.

— Меня устраивает твой ответ, — улыбнулся Роберт.

— В смысле? Это был какой-то тест? — не поняла я.

— Вроде того, — ответил Роберт. — Я владею музыкальной лавкой, и у меня на днях уволилась работница. Не хочешь устроиться ко мне?

Так я начала работать в лавке пластинок, продвигая в ней своё новое увлечение пост-панк исполнителями. Постепенно магазин приобрёл пост-панк уклон: полки заполнили пластинки Joy Division и The Cure, а на стенах висели плакаты с автографами групп Молчат дома, Формация лимон и Плохо.

Работа в лавке приносила мне искреннее удовольствие: ставя на прилавок новые пластинки, я вдыхала тонкий хими-

ческий запах полимера и типографской упаковки и невольно улыбалась. С каждым посетителем лавки мне удавалось завести приятную беседу: кто-то был меломаном со стажем, готовым поделиться историей с фестивалей, которых он посетил, а кто-то только начинал интересоваться музыкой, поэтому мои знания о пост-панк сцене вызывали у него живой интерес.

Впрочем, не стану утомлять рассказом о счастливой жизни, из-за которого наверняка захочется зевать.

Через год в лавке пластинок мне было спокойнее, чем дома. Работа в лавке помогла мне завязать с прожиганием вечеров в баре. Вместо этого я погружалась в разборы коробок с новыми пластинками или футболками с принтами разных групп. Логотипы групп красовались на разных цветах, но девять из десяти, конечно, были черными. На мне сегодня была красная с The Cure.

Их же пластинку я поставила в наш проигрыватель от Technics. В рабочие часы этот проигрыватель находился около кассы, а по вечерам я относила его в угол лавки, где стояли два коричневых кожаных кресла. По вечерам Роберт заглядывал в лавку, чтобы узнать, как прошёл день, и мы непременно задерживались в этих креслах, чтобы вместе послушать музыку или его байки из бурной молодости.

Обычно в правдивость этих историй верилось с трудом. Так на прошлой неделе, когда мы с Робертом слушали новый альбом группы Pulp, на дороге перед лавкой остановился грузовик. Кажется, у него лопнуло колесо, и из-за этого его начало сильно кренить в бок. «Помню, как 99-м мы ехали на какой-то фестиваль, — сказал Роберт, глядя на выпрыгивающего из кабины водителя. — Но не добрались до него, потому что по пути к нему прямо перед нами перевернулась фура с пивом. Водила думал, что попал на бабки до конца

жизни, но мы предложили: мы с другими ехавшими на фестиваль поставим машину на колёса, а он нам столько пива, сколько мы сможем увезти. Через час машина вернулась на колёса, а, когда пиво кончилось, мы поняли, что фестиваль закрылся неделю назад.»

«Вы подняли целый грузовик? Звучит так же реалистично, как история про то, как вы случайно поймали американского шпиона» — ответила я тогда и поставила в проигрыватель следующую пластинку.

От воспоминания меня отвлек шуршащий звук закончившейся пластинки. За время работы в лавке выяснилось, что у меня есть странный талант: я могла путать места для футболок или забывать названия групп, но мне не нужно было даже смотреть на список песен или положение иглы проигрывателя, чтобы понять, что пластинка сейчас кончится.

Убрав пластинку на полку, я закрыла крышку проигрывателя. В тишине я вернулась в кресло и уставилась на телефон, который с самого утра не выпускала из рук. Сегодня был день рождения мамы, и я не могла сосредоточиться на работе из-за с желанием набрать её номер. «Ты же обещала больше не пытаться,» — напоминала я себе, но не всё могла убрать телефон. Раньше я часто пыталась позвонить ей или отцу, но они мне отвечали. Вычеркнуть меня из своей жизни им было легче, чем мне побороть желание поговорить с ними. Я лишь хотела еще раз сказать, что исчезновение брата — не моя вина.

Почти убрав телефон в карман, я сорвалась и снова попробовала позвонить маме. «Абонент временно недоступен». От этих слов по рукам пошли мурашки, словно из трубки шёл ледяной ветер, а не равнодушный голос. После такого задумываешься: «Интересно, жива ли ещё женщина, записавшая их?». Так мало кто знает, что и смех зрительского зала в ситкомах записан десятки лет назад, поэтому легко догадаться, что за телевизором ты смеешься вместе с мертвецами.

После неудачной попытки позвонить в груди сразу же возникла гнетущая пустота, которую хочется залить парой полных стаканов виски. После случая в баре я не позволяла себе больше, чем один бокал вина с Оленькой, но самые большие срывы и случаются после одного маленького, но вызвавшего губительную мысль «зачем сопротивляться, если уже проиграл?»

Зазвенел колокольчик на двери. Я обрадовалась, что, может, общение с клиентом отвлечет меня, но в лавку вошёл Роберт. Я проверила часы, вдруг тщетно борясь с желанием позвонить маме, я не заметила, как наступил вечер. Оказалось, едва за полдень.

Роберт поздоровался, но вместо того, чтобы сразу подойти ко мне приблизился к одной из витрин. Он стал рассматривать пластинки, которые вместе со мной подбирал. Выбрав одну, он стал читать текст на обратной стороне. Примерно минуту он простоял так, сжав губы, затем вздохнул и

подошёл ко мне. Вблизи я заметила, что он сжимал в руке какие-то бумаги.

— Как прошёл день, Лиззи? Много клиентов сегодня? — спросил он с натяжной улыбкой.

— Эмм... нормально. Я... коробки разбирала всё утро, — соврала я. — Продала немного, но и день ещё не кончился, верно?

— Ну да, ну да... — ответил Роберт. — Знаешь, а тебе, не кажется, что мы последние дураки, держащиеся за аналоговое звучание? Как будто молодёжи это уже больше не нужно, ведь всё что угодно можно найти просто онлайн. Что говорить, если даже ты сегодня предпочла работать в тишине!

— Сложно сказать... И плеер я выключила только, чтобы... Погоди, а с чего вдруг такие вопросы? — удивилась я.

Не отвечая, Роберт сходил к витрине с табличкой «70-е», взял пластинку Дэвида Боуи и поставил её в проигрыватель. Вернувшись, он протянул мне несколько сложенных вдвое листов. Их края чуть помялись от сжатия.

— Лиззи, думаю, ты замечала, что в последнее время наша лавка была не самым людным местом. Мы всегда были скорее за атмосферу, чем за популярность, но последние пару месяцев оказались особенно тяжелыми. Не знаю, сможем ли мы выжить в этой конкуренции с всякими онлайн магазинами. Можешь сама убедиться. Вот, — Роберт показал пальцем на какой-то график в листе у меня в руках.

Таблицы, диаграммы, комментарии бухгалтера — всё го-

ворило, что нашу лавочку можно прикрывать.

— Дольше пары месяцев с текущей выручкой нам не продержаться, поэтому советую тебе искать новую работу уже сейчас.

— Так же не честно! — в сердцах воскликнула я.

— Прошу не обижайся на меня. Ты же сама всё видишь, — развел руками Роберт.

— Нет, я в том смысле, что это несправедливо к тебе: ты любишь это место и не можешь его закрыть. Вспомни с каким вниманием ты все обставлял здесь. Каждая пластинка — мечта меломана! Плакаты, футболки, брелоки... ты даже гитару с автографом Криста Новоселича из Нирваны достал! Я не хочу прощаться с лавкой, поэтому мы должны что-то придумать! — стукнула я кулаком по столу так, что касса подпрыгнула. — На какой работе мне еще разрешат включать "Deceit" на всю громкость?

Роберт горько улыбнулся моему энтузиазму, но ответил явным сочувствием в голосе:

— Ты, конечно, права, но если не придумать, как поднять выручку, то мы закроемся, а «Новоселич» пойдет на уплату задолжностей.

— Но мы же что-нибудь придумаем, да? — спросила я, из последних сил сдерживая слёзы.

— Ну, если что знай, что без музыки я тебя не оставлю, — ответил Роберт, мягко взяв меня за руку. — Многие мои старые друзья сейчас не последние люди в музыкальной ту-

совке, они найдут тебе новое местечко.

Роберт ушёл. После полученных новостей тишина и спокойствие лавки превратились в давящее уныние и упадок. Только пластинка, которую поставил Роберт нарушала тишину, но и она должна была с минуты на минуты замолчать. «О, пластиночное чутьё вернулось!» — подумала я. Возвращение моего мелкого таланта слегка воодушевило.

Я сменила пластинку и вернулась к работе. Теперь видя в окнах движущуюся фигуру, у меня каждый раз перехватывало дыхание, но посетители упорно избегали нашу лавку. Размышляя о том, как можно увеличить продажи, я даже забыла о неудавшемся звонке.

Впрочем, новый стресс только усилили желание опрокинуть пару рюмок. Чтобы успокоиться, я принялась переставлять пластинки на прилавках. Когда в руках у меня была пластинка с альбомом «Pacific Street» группы The Pale Fountains, в лавку наконец кто-то вошел. Я так заспешила к посетителю, что впопыхах бросила пластинку на самый край полки.

Я стрепетом наблюдала, как парень в серой ветровке с накиннутым капюшоном долго мялся у прилавков. Рассматривал сложенные стопками футболки у прилавков, смотрел на пластинки, словно что-то искал.

— Это ведь вы продаете те круглые штуки из... как его... — наконец заговорил посетитель, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Винаила? Да, мы, — ответила я с сияющей улыбкой. «Ты от меня без покупки не уйдешь!» — завертелось у меня в голове, потому я включила всё дружелюбие, на которое была способна. От такого напора лицо парня вспыхнуло краской.

— А какие размеры есть в наличии? Просто у меня не самый большой... — проямлил он едва слышно.

— Проигрыватель?

— Ну можно и так сказать, — вздохнул парень, опустив голову так, что казалось, скоро сломает шею.

— Это нестандартный вопрос, но я попробую посмотреть, — ответила я и принялась быстро искать ответы в рабочем компьютере. — Так, они бывают тридцать, двадцать пять и самые маленькие — восемнадцать сантиметров. Вам какие нужны?

— Ого, — охнул парень, — а поменьше нет?

— А-а-а, вы, наверное, имели в виду компакт-диски! Они бывают двенадцать и восемь сантиметров, — прочитала я с монитора и повела его к полке с коллекционными дисковыми изданиями. Посетитель поглубже натянул свой капюшон и направился за мной.

Он с интересом рассматривал стойку с дисками, перебирал пластинки на других полках, но ничего не мог выбрать. Первым, что его заинтересовало, стала пластинка группы Scorpions с альбомом «Virgin Killer».

— «Убийца девственниц». Отличный альбом! — одобри-

ла я его выбор. — Этот альбом просто взорвал всем головы в 76-ом. Настоящая классика! Вы точно не пожалеете, это бескомпромиссный....

— Это ясно, но я вот только не пойму, как им пользоваться? — перебил меня он. — Да и, вообще, не похоже это на... секс-игрушку.

Последнее слово он с трудом процедил сквозь зубы. Только теперь до меня дошло с чём он спутал нашу лавку. Ниже по улице и в правду был секс-шоп, и среди вечерних историй Роберта были случаи, как его путали с нашей лавкой, но со мной это случилось впервые.

Теперь уже мои щеки слегка налились румянцем, но я уже дала себе обещание что-нибудь обязательно ему продать. Поэтому я остановила искателя новых ощущений практически у выхода и с двойным энтузиазмом стала уговаривать его купить пластинку, которую он принял за... А, впрочем, мне хотелось даже думать, что он представлял.

— Вы меня не дослушали! — с улыбкой как у ждущего чаевых консьержа «Хилтон Плаза», я вернула посетителя обратно к полкам с пластинками. Вновь достала альбом Скорпионс. — Вот смотрите, если достать «устройство» из упаковки, можно увидеть специализированное отверстие, как раз подходящее под размеры, о которых вы спрашивали. Инструкции на коробке, к сожалению, нет, но работает оно инстинктивно понятно. Я вам говорю, берите! Когда оно плотно обхватит... э-м-м... вас, то просто взорвёт вам голову,

как и всем с начиная с 76-го.

Не знаю, поверил ли он мне, но чек был оплачен. Когда чудака выходил из лавки, я тихо хихикнула и, скрестив руки, прошептала: «Приятного прослушивания». Эту фразу слышит любой покидающий наш магазин с купленной пластинкой.

Первый раз за день я почувствовала себя победителем.

Впрочем, это продлилось совсем недолго. Торжество вытеснила тревога. Ему же хватит мозгов понять, что на самом деле он купил? А то если он поранится или застрянет в ней, как я объясню это Роберту? Осудит ли меня Роберт и лишь спросит, почему я не впарила ему еще и несколько футболок?

Поразмышляв ещё несколько секунд, я всё-таки решила, что поступила с тем парнем неправильно. Стукнув кулаком по столу, схватила единственную за день выручку и побежала вдогонку.

Чуть не сбив плетущуюся бабушку, я догнала парня, который быстрым шагом уносил за пазухой альбом Scorpions.

— Ох... прости, друг, но мне нужно забрать то, что ты купил, — сказала я, пытаюсь выровнять дыхание.

— А... а ... Почему? — спросил парень, растеряно оглядываясь на прохожих.

— Ну, дело в том... что там, оказывается, кончился срок годности. Вот! Просто отдай мне её и заberi деньги!

— А как же...

Вздохнув, я ответила:

— Нужный тебе магазин чуть дальше, ты узнаешь его по затемненным окнам.

Парень отдал мне пластинку и забрал деньги. Я поспешила обратно в лавку, один раз всё-таки оглянувшись на чудилу, встреча с которым станет одной из историй для вечерних посиделок с Робертом. Я увидела, как парень снял капюшон, освободив вздыбленные черные волосы. Это прическа и худое с синяками под глазами лицо показалось теперь мне знакомым. Кажется, я видела его в...

Споткнувшись через порожек, я грохнулась на пол лавки. Простонав от боли, я подняла глаза и увидела перед собой пластинку, которую рассматривала после визита Роберта.

Упаковка с солдатом на обложке собирала пыль с пола. Я хотела вытереть её ладонью, но мое внимание привлекла обратная сторона. Под списком песен в альбоме была надпись, которую я видела сотни раз, но не придавала ей значения. Я посмотрела на обратную сторону возвращенной пластинки и обнаружила такую же там. «Информация о продукции предоставлена рекламным агентством Сан Рей». Реклама! Вот, что поможет магазину повысить продажи.

Однако сделать всё нужно было быстро, а главное дёшево. Я знала, к кому могу обратиться за помощью.

Говоря о том, как встреча с Робертом оградила мою жизнь от падения в пропасть, я незаслуженно почти забыла о другом важном для меня человеке — моей соседке Оленьке.

Припоминая мои барные выходки, можно решить, что жизнь со мной приносила ей кучу хлопот. Что ж, это безусловно так, но соседство с Оленькой тоже не назовёшь сплошным праздником. Разве только, если где-то не существует праздника, на который твой сосед обязан тебя удивить своим новым увлечением.

За эти пару лет, которые мы вместе снимаем квартиру, я повидала больше тридцати её идей для собственного дела. Что хуже, пока я не стала работать в лавке, моя подруга вытягивала меня в большинство из них. Я таскала тяжеленные горшки, когда Оленька решила ловить вредителей с помощью хищных цветов. Я изучила вместе с ней язык жестов и технологию угольного крекинга.

Однажды, рассказывая об этом Роберту, я в шутку спросила: «Зачем ей нужно постоянно вытягивать меня в свои задумки?» На что Роберт ответил вопросом: «Считаешь, это было нужно именно ей?»

После сегодняшнего ужасного дня я направилась домой, чтобы попросить Оленьку направить свой креатив на рекламу моей лавки. Я надеялась, что она сейчас дома, а не ре-

шила заняться добычей пластиковых крышечек, унесенных Гольфстримом.

«Да, я дома. Возвращайся скорей, у меня для тебя сюрприз!» — написала в ответном сообщении Оленька. После чтения концовки сообщения мои брови неосознанно встретились на переносице. Домой стоило поспешить.

Первым я заметила новый листок, приклеенный к двери в квартиру. На ней уже висело предупреждение о запрете эксплуатации растительного труда с черно-белой фотографией Венериной мухоловки, приставленной к стене с линейкой, словно преступница. Надпись на новом листе гласила: «Офис станции Солнечная». Отворив дверь, я вскрикнула. Воздух в квартире был густым из-за едкого дыма. Я хотела набрать пожарным, но уловила в запахе гари чёткую нотку корицы. Прикрывая нос рукавом, я отправилась на кухню.

— Ты как раз вовремя! — с подносом в руках из дымовой завесы выскочила Оленька. Следы сажи на щеках и слезящиеся глаза придавали ей сходство с партизаном из Вьетнамских джунглей. Её светлые волосы были заплетены в длинный хвост, а фартук из-за пятен вряд ли уже снова станет бежевым. — Попробуешь? Только я, кажется, где-то ошиблась с рецептом...

— Вместо сахара добавила дымовую гранату? — спросила я.

— Ха, нет! Я точно положила сахар, хотя... — задумалась Оленька.

Отказавшись от печенек, я перешла сразу к делу:

— Оля, мне нужна твоя помощь, — сказала я, стараясь не кашлять от дыма. — Нужно придумать, как срочно завлечь покупателей в лавку пластинок, а не то я потеряю работу.

— Лиззи, извини, у меня совсем нет времени, — ответила Оленька.

— Да, ладно тебе! Мне очень нужно твоё умение чувствовать запросы людей. Да, твои идеи иногда немного... эксцентричные, иногда даже слегка жестокие...

— Эй, венериным мухоловкам нравилось, что я вожу их охотиться! — вскрикнула Оленька.

— Ладно, ладно. Главное, что все они приносили прибыль, а только это мне сейчас и нужно. И плюс, помогая мне с рекламой, ты не сожжешь нам дом...

— Спасибо за приятные слова, но... — развела руками Оленька. — Но у меня действительно нет времени. На самом деле, я пекла печеньки, чтобы отпраздновать открытие своей собственной станции. Ты же видела табличку на входе?

— Нет, наверное, её закрыл бумажный листок с названием какой-то станции. Ты что, решила открыть на нашем этаже первую станцию метро? — усмехнулась я.

— Да уж, не на долго хватило твоей поддержки, подруга, — скривив губы, произнесла Оленька, скинула фартук и ушла на кухню.

— Оля, прости, ты же знаешь, что я не всерьёз! — говорила я подруге, пока та ходила по квартире и открывала ок-

на. — Давай расскажи, что у тебя сейчас за идея!

— Ну хорошо... — наконец сдалась она. — Я решила создать собственную радиостанцию! Тематика будет беспрогрышной — регги на языках малых народов и прогнозы погоды, в которых всегда светит солнце. Станция «Солнечная»!

— Эм-м... круто! Хотя, как по мне, над концептом стоит ещё подумать, — ответила я, стараясь не разозлить подругу окончательно.

— Разве? — задумалась Оленька. — Возможно ты переделываешь, когда услышишь всё сама!

Оленька отвела меня к себе в комнату. Между кроватью, где на голубом покрывале замерли плюшевые зверушки, и шкафом с открытой дверцей жужжал какой-то массивный ящик алюминиевого цвета. На его передней стороне располагались пластиковые кнопки и переключатели с буквами, понять смысл которых с первого взгляда мне не удалось. С задней стороны выходил пучок проводов, один из которых шёл к ноутбуку на столе.

— Ого! Где ты это взяла? — спросила я, разглядывая, как прыгает какая-то маленькая стрелочка.

— Случайно наткнулась на объявление, которое уже полгода висело на сайте. Усатый дедушка отдавал его почти даром и очень радовался, когда я его забрала.

— Конечно он был доволен! Кому ещё нужна краденая военная рация? — усмехнулась я.

— Думаешь, она краденая? — спросила Оленька, начав

от волнения метаться по комнате. — Да, он сказал, что она военная, но только списанная. А документы потерялись... Чёрт, она точно краденая!

— Ладно, успокойся! Если аккуратно пользоваться или лучше вообще вырубить, то никто не узнает.

Вместо ответа Оленька присела на край кровати, прикусив ногти.

— Та-а-к, ну-ка говори о чём думаешь, — сказала я, подперев бока руками.

— Ну тот дедушка, отдавая мне радиостанцию предупредил, что её можно включать только на определенных частотах. Я так и делала. Поначалу. Но сигнал был такой слабый, что моё регги утопало в помехах. И я чуть расширила диапазон.

Предчувствуя, что Оленька скажет дальше, я чувствовала, как спину покрыла гусиная кожа. Через небольшую паузу я спросила:

— Насколько?

— Не очень! На тех частотах была в основном тишина... Ну только несколько раз в день какой-то голос производил что-то вроде «БУТАН 1375» или «РОГОЖА ТУТ». Теперь-то я понимаю, что это не просто кто-то баловался, а тогда...

Раздался звонок в дверь, затем черед громких стуков. Мы подкрались на цыпочках к глазку. Полиция.

— Блин, что теперь будет? — простонала Оленька.

— Оль, главное — без паники. О, а, знаешь, давай, если я отважу полицию, ты pomoжешь мне с лавкой? — прошептала я.

В дверь еще раз постучали, уже со словами «Откройте, полиция!» Втянув голову, Оленька кивнула и спряталась в квартире.

— Чем могу помочь? — спросила я, открыв дверь.

— Капитан Васильев. Гражданочка, а вы знаете, что радиовещание без лицензии — это серьёзное преступление?

— А с чего вы взяли, что это мы? — сделала я невинный вид.

Капитан молча показал на новый листок на двери.

— Ну это ещё ничего не значит. Может, мы тут в метро играем?

— Эх, гражданочка, давайте без шуток. Нам пришлось вызывать специалиста Роскомсвязи, чтобы найти точку откуда идёт сигнал.

— Ой, ну давайте не перегибать! Ну вещали мы чуть-чуть и что? Никто же не пострадал! Ну максимум пара военных обогатили свои музыкальные вкусы. Это ведь хорошо, а то они, наверное, засыпают там на дежурствах, ожидая очередную белиберду!

Выставленная нога не дала мне захлопнуть дверь. От осознания, что я только что ляпнула, мне захотелось прикусить язык.

— Погодите, какие военные? — Брови капитана оживлён-

но подпрыгнули. — Вы что самовольно вещали на военных частотах?! До этого вам грозил максимум штраф в 1500 рублей, а сейчас это почти уголовка!

Глаза полицейского хищно засияли. От фантазий о новой звездочке его отвлекло появление Оленьки. Пока мы с капитаном говорили, она успела умыться и одеть платье с невозможно глубоким вырезом.

— Товарищ капитан, мне очень стыдно, — пролепетала Оленька. Капитан тут же утонул в её щенячьих глазках. — Мне просто нравится всякая техника, а парня, чтобы подсказать, как делать правильно, нет...

— Ну, знаете, я в школе немного ходил в радиокружок, — ответил капитан, чуть покраснев.

— Правда?! — Оленька захлопала в ладоши.

— Ну, да... А, знаете, это всё дела военной полиции, а раз ей это не интересно, то и я могу ничего не составлять. Впрочем, станцию придётся пока выключить. По крайней мере, пока мы с вами не разберемся ней как-нибудь вечером, вы согласны?

Капитан обменялся с Оленькой номерами и ушел, а Оленька побежала вырубать вещание.

— Ну вот, как я и обещала, с полицией разобралась. Теперь ты должна помочь мне придумать, как поднять выручку лавке, — напомнила я Оленьке.

— Ты разобралась? По-моему, я решила все сама, — возмутилась она.

— Это неважно. Уговор есть уговор!

— Хорошо, я помогу. Но дай мне подумать. Через сколько обанкротится твоя лавка?

— Через два месяца, может, быстрее, — произнесла я, склонив голову.

— Значит на полноценную рекламную кампанию времени нет, но у меня есть идея. Мне кажется, это как раз будет тебе по духу. У вас в лавке найдется свободное место?

— Зачем?

— Мы устроим концерт! — воскликнула Оленька. На её лице читалась решимость, от которой и у тебя невольно распрямляются плечи. — Только сначала помоги оттащить радиостанцию на помойку, пока мне вправду не пришлось устраивать дома приватный радиокружок...

Возможно, именно потому, что судьба лавки оказалось под вопросом, Роберт пришёл, чтобы послушать со мной парочку пластинок. Он нахмурился, когда дёрнул за ручку, но дверь оказалось под замком. Я всегда работала без перерыва до последней минуты, иногда даже задерживаясь после закрытия ради особо дотошного клиента. Роберт, убедившись, что не перепутал время, начал стучать в дверь.

— Лиззи! Ты там? Почему двери закрыты? — Роберт взгляделся в витрины и увидел, что внутри лавки бродят незнакомые силуэты. Тот, что был явно мужским активно размахивал руками, споря с женской фигурой. Роберт настойчивей забарабанил по двери и чуть отшатнулся назад, когда вместо меня дверь открыл плечистый мужчина. Из-за кудрявой бороды Роберту показалось, что ему под сорок, хотя ему только пару недель, как исполнилось двадцать шесть. Его черная футболка словно бы никогда не соприкасалась со стиральным порошком, а принт на ней был таким потертым, что не различить был ли на нем изображен череп со змеей или зайчик с морковкой.

— Ты пиццу принес? — спросил бородач.

— Нет, а вы к.. — Роберт аж опешил от наглости незнакомца в его собственной лавке, но захлопнутая дверь не дала ему закончить фразу. Через пару секунд Роберт опомнился

и постучал еще раз. Снова открыл бородач.

— Чувак, ты не видишь, что магазин уже закрыт? У меня нет времени с тобой тут трепаться!

Роберт снова дышал в дверь, которую незнакомец захлопнул с такой силой, что будь Роберт ближе к ней на шаг, она непременно сломала бы ему нос. «Держи себя в руках, Роби, ты же помнишь, что было после того рейва в 97-м, — подумал Роберт, усмиряя злость, от которой уже темнело в глазах. — Стоп, а если он что-то сделает с Лиззи?»

Постучав третий раз, Роберт не стал дожидаться ответа. В тот же момент, когда бородач появился в дверном проеме, он быстрым движением схватил его за руку и сложил пополам в болевом захвате.

— Знаешь, что случилось с теми, кто пытался не пустить меня в бар? — прошипел Роберт на ухо бородачу. — А теперь молись, чтобы у Лиззи ни один волосок не пострадал!

— Правильно! Так мы поступаем с теми, кто пытается спасти твой бизнес! — воскликнула я, когда вышла из подсобки и увидела Роберта в пылу борьбы. Оленька, которую вместе с бородачом Роберт видел снаружи, тоже с укором посмотрела на мужчин, но через мгновение вернулась к подготовке концерта.

Растерянные соперники расцепились и стали поправлять одежду. Когда Роберт вернул себе вид рассудительного мужчины, я представила ему Мишу, гитариста группы «Синий день», которую притащила Оленька.

Вчера после того, как алюминиевая бандура шлёпнулась на дно мусорного бака, Оленька удалила номер полицейского и начала шерстить список контактов телефона в поисках того, кто помог бы нам с концертом.

— О, отлично! Дай мне его номер! Ага, заодно и порепетируют, спасибо, пока! — прокричала Оленька в трубку. После нескольких безрезультатных звонков ей ответила подруга и рассказала про гитариста Мишу, который вместе с группой приехал к нам в Лаплас на какой-то фестиваль. Оленька смогла уговорить его выступить всего лишь, за еду и пару бутылок виски.

Про болевой захват в договоре, конечно, не было.

Я рассказала Роберту про нашу идею с рекламным концертом, но, к моему разочарованию, эта идея он принял очень скептически. Роберт напомнил, что в молодости посетил немало подобных сборищ и видел, что обычно остаётся от площадок, поглощённых музыкой и дешёвым алкоголем.

Я попыталась убедить Роберта дать концерту зеленый свет тем, что всё действие будет в соседнем помещении, которое новый собственник пока не освоил, ведь там нечему ломаться.

— Но откуда у вас ключи? Даже я еще не знаю нового владельца этого места, — удивился Роберт.

— Ну... если честно, у нас тоже нет ключей. Там смежная с нашей лавкой дверь со сломанным замком, я раньше туда курить ходила. Входную дверь изнутри откроем, а потом

также закроем — никто и не заметит. Там же за год никто ни разу ни объявлялся! — ответила я.

— Ну не знаю... Может, в идеи концерта что-то есть, но у меня какое-то нехорошее предчувствие... — отпирался Роберт.

— Не волнуйся, мы с Оленькой проследим, чтобы никто больше на людей не кидался, — толкнула я его в плечо.

Роберт поразмышлял минуту, а затем махнул рукой и сказал:

— Эх, ладно устраивайте, что задумали! Но только под твою ответственность. Раньше бы я помог тебе всё тут устроить, а сейчас пойду — не хочу портить веселье молодёжи, — сказал Роберт и прежде, чем направиться к выходу протянул гитаристу руку в знак примирения. Миша мгновение задумался, пережевывая лёгкую обиду, но принял рукопожатие, хотя тут же отвернулся.

Когда Роберт ушел, Оленька, которая наблюдала за визитом хозяина лавки, не отвлекаясь от подготовки к концерту, раздраженно накинулась на меня:

— Как ты могла его не предупредить? Я столько сил на это потратила, а вдруг бы он всё запретил?

— Не беспокойся, я же знаю его — он лишь для вида такой, а на самом деле он за любой движ, — улыбнулась я.

— Хорошо. Теперь ты! — Оленька перевела свой гневный взор на Мишу. — Ладно сцепились, но руку можно нормально пожать, что ты как маленький?!

— Прости, Оля, я не хотел, но тут такое дело... — произнёс Миша, будто он не здоровяк в рокерской футболке, а второклассник, промочивший сапоги. Затем он показал причину своего поведения, но стало только хуже — свою руку. Ладонь покраснела и уже успела сильно опухнуть.

— Твою же мать! — воскликнула я. — Что нам теперь делать? Тебе по-хорошему в травмпункт нужно, но тогда хана нашему концерту!

Повисла тишина. Я смотрела на руку и судорожно думала, как вернуть гитаристу возможность играть. Оленька тоже погрузилась в свои мысли, бродя рядом кругами. Вдруг что-то привлекло её внимание, и она стремительно засеменила к проходу в соседнее помещение.

— Подожди, может, никто не пришёл и играть вообще не нужно, — сказала она, подзывая нас к себе.

— Пойдем проверим, — предложила я. — Только сначала запрём лавку... Куда же я дела ключи?

— Связка ключей с брелком с логотипом группы Black Flag? Ты оставила его возле кассы, когда мы только пришли сюда, — не задумываясь ответил Миша.

Мы с Оленькой, обомлев, устали на гитариста.

— Эйдетическая память... — чуть покраснев, ответил Миша. — Универ мне закончить не помогла, зато аккорды запоминаю на раз-два.

— Ты не перестаёшь меня удивлять, — заключила Оленька, качая головой.

Через минуту мы втроём стояли у двери со сломанным замком и наблюдали, как соседнее в помещение, которое ещё утром было совершенно пустым, продолжали тянуться люди.

До запланированного начала концерта оставалось около получаса, но плотная толпа уже окружила импровизированную сцену. «А где эти олухи?» — спросила Оленька, показав на место, где должны были наставить звук два других участника группы. Впрочем, судя по ликующей толпе, громко скандировавшей «Пей! Пей!», мы быстро поняли, что время зря они не теряли.

— Да они уже на ногах не стоят! — вскрикнул Миша и со злости ударил по стене распухшим кулаком, после чего взвыл от невыносимой боли.

— Кажется, не один ты не в состоянии играть, — покачала головой Оленька.

— А что мы скажем им? — я показала на людей в помещении, которое мы весь день обустроивали под будущее выступление. — Толпа уже на взводе, кто знает, что они тут натворят, если мы их обломаем!

Повисла долгая пауза. Мы лишь стояли и наблюдали, как выходит терпение у народа, который мы собрали через рассылку в соцсетях. Я сначала не могла и подумать, сколько людей может прийти на бесплатную тусовку, где единствен-

ным условием было упомянуть лавку пластинок в своём профиле. Впрочем, все стало понятно, когда я узнала, что по Олиной просьбе Миша пустил слух о халявной выпивке. Но теперь те, кто пришёл именно за ней зло свистели, требуя скорее начинать.

Ещё раз осмотрев собравшихся, я сжала кулаки и сказала:
— Отбери у ребенка конфету — получишь слёзы, отбери у толпы зрелище — получишь в лучшем случае камнем в окно. Концерт должен состояться! Решим проблему как поп-певцы!

— Найдём дядю-продюсера, который решит все за нас?
— усмехнулся подбитый гитарист.

— Было бы неплохо, но нет. Вы просто споёте под фонограмму, — ответила я.

— Мы не поём под фонограмму! — гордо заявил Миша и ударил себя кулаком по груди, тут же пожалев об этом.

— Мишенька, дорогой, — ласково приблизилась Оленька к гитаристу. Её обезоруживающий своей лаской взгляд не оставляли ему не единого шанса. Оленькина ладонь мягко коснулась его плеча, медленно спустилась вниз по предплечью, коснулась опухших пальцев и неожиданно яростно сжала их. Слёзы невольно выступили на глазах гитариста. Когда Оленька ослабила хватку, я тихо прошептала ему на ухо:

— Ты будешь петь, как тебе говорят, а иначе твои ребята узнают, что за выступление вам платят не только пивом, но процентом с дневной выручки лавки. Ты меня понял?

— Да, понял, понял... Но у вас же нет фанеры наших песен, а мы всем обещали не какие-нибудь жалкие каверы, а собственные трэки! — произнёс гитарист, пытаясь сдержать поток слёз.

— Он прав! — схватила за голову Оленька.

— К счастью, никто не знает ваших песен, — ответила я. — Я поищу в подсобке что-нибудь малоизвестное, поставим его. А вы сделаете вид, что это ваша песня. Впрочем, те двое, — я показала на остальных участников группы, — все равно уже не в состоянии отличить ваши песни от хитов с «Ретро ФМ».

Я отправилась в подсобку искать старый диск или пластинку с забытым исполнителем, который мог бы сойти за местную рок-группу. Перебирая пластинки неподходящих и-за большой известности групп таких, как Limp Bizkt, Guns N' Roses и The Sex Pistols, я подумала, что если наличие причудливого лидера — важный фактор успеха в рок-индустрии, то у наших ребят ещё есть все шансы выстрелить.

Я перебирала пыльные коробки в шкафу с неостребованным товаром пока на глубине самой дальней из полок не нашла стопку пластинок с неизвестными мне названиями. Надписи маркером на конвертах стало размывать от влаги, но я смогла прочитать: «Призыв И», «Лебединое озеро (соло на балалайке)» и «Электроникон»

Первая и последняя показались мне перспективными, ведь если даже я не помню такие группы, то никто в этой лав-

ке точно не узнает о подмене. Но прежде, чем нести находку к микшеру у импровизированной сцены, стоило проверить состояние найденных записей. Я отнесла их к проигрывателю в лавке. Когда с пластинки «Призыв И» вместо музыки забытой группы раздалось шуршание и треск, я решила, что запись испорчена. Но когда я потянулась её выключить на меня словно обрушился странный хор. Ни слов, ни даже языка я не могла разобрать, однако от неё все равно пробежал холодок по спине. Когда запись кончилась, в комнате повисла тишина, после которой интуитивно понимаешь, что только что избежал встречи с чем-то, что лучше не встречать. Впрочем, чувство, что кто-то наблюдает всё не исчезало.

— Ну, где тебя носит?! — выглянув из прохода в соседний магазин, спросила Оленька, отчего мне сразу полегчало.

Вспомнив зачем о срывающемся концерте, я проверила вторую пластинку. Убедившись, что слышу гитарное соло, я схватила её и побежала спасать концерт. Из-за недовольного гула толпы я не услышала колокольчик на входной двери магазина.

— Я уже тут, — сказала я, устанавливая пластинку в микшер. Пока меня не было Оленька собрала музыкантов, которые не то что играть, стоять на сцене уже не могли. Миша кое-как пытался сдержать гнев людей.

— Начинаем! — крикнула недовольной публике я и нажала на «плей». Толпа взорвалась радостным криком.

Время, пока я искала пластинку, Миша потратил, чтобы

привести в чувства остальных участников группы. Бас-гитарист, лицо которого закрывали растрепавшиеся волосы, с редкой убедительностью делал вид, что действительно играет. Миша махал опухшей рукой перед гитарой. Барабанщик же сразу потерял одну из палочек, но вместо расстройства занял свободную руку бутылкой пива.

Через пару песен даже я забыла, что ребята лишь притворяются, и качала головой вместе с толпой.

— Посмотри на это, — перекрикивая музыку, проорала мне Оленька. — Пост про нашу лавку уже репостнули несколько тысяч! Неплохо для первого часа, да?

Впрочем, наша радость продлилась совсем недолго. Через минуту в помещении включился свет, и полицейские с громкими требованиями выключать музыку стали пробираться в глубь зала.

Концерт был окончательно сорван. Меня спасло от штрафа только то, что на вызов приехал капитан Васильев, который не упустил возможность напомнить Оленьке про её обещание поизучать вместе радио-науку.

Музыканты вместе со зрителями отправились продолжать веселье в ближайшем баре, а Оленьке пришлось пообещать капитану пойти с ним на свидание. Мне же предстояло в одиночку убрать всё, чтобы не подставлять Роберта. Собирая пустые бутылки, я краем глаза заметила движение в лавке пластинок. Войдя внутрь, я заметила, как незнакомый парень сгребает пластинки себе в рюкзак.

— А ну верни всё, ворюга! — закричала я на него. Услышав меня, вор лихо закинул рюкзак на плечо и бросился убежать. Я ринулась за ним на улицу и почти догнала его. Выбежав вслед за ним на дорогу, я почти схватила его за лямку рюкзака, но вдруг заметила на противоположной стороне улицы того, кто никак не мог там быть. Замерев, я протянула руку в его сторону, но прежде, чем я что-то сказала, меня отвлёк автомобильный гудок. Водитель ударил по тормозам, но меня зашибло бампером и отбросило на несколько метров.

Я лежала на асфальте, не шевелясь. Из-за неожиданности я не успела почувствовать боль. Из последних сил я повернула глаза, но у дороги больше никого не увидела. Крики людей слились в сплошной гул, и я отключилась. Кто-то из недавних посетителей концерта радовался, что успел заснять аварию на камеру телефона.

Темная фигура смотрела на несчастный случай из окна лавки. «Да чтоб её!» — подумал Инфир и вышел из лавки, прозвенев колокольчиком на двери.

Затяжной кашель выдернул меня из забвения. Переборков приступ, я жадно глотнула воздух, но вместо облегчения почувствовала, словно лёгкие рвутся изнутри. Я лежала на спине, чувствуя покалывания холода от твёрдой поверхности. Одеревеневшими руками я скинула с себя что-то напоминающее белую простынь и обнаружила, что на мне совсем нет одежды. Сдавленный крик вырвался из охрипшего горла. Плечи и спина тут же покрылись гусиной кожей.

«Если это шутка, то это совсем не смешно!» — обратилась я, сама не зная к кому.

Поднимаясь на локтях, я попыталась вспомнить, как очутилась голой в незнакомом месте, но все воспоминания слились в неразборчивую кашу. Боясь худшего, осмотрела себя: пара синяков на ногах, ссадина на плече и странный красный след, идущий от живота к шее. Впрочем, таинственная полоса так быстро теряла цвет, что легче было поверить, что это лишь игра света. Я провела по ней кончиками пальцев. Это место уже не отличалось от кожи вокруг, но ещё несколько секунд оставалось неестественно горячим.

Укутавшись в ткань, которой кто-то прикрыл мою бессознательную наготу, я соскочила на пол и не грохнулась, только потому что успела схватиться за край ложе, которое оказалось металлической кушеткой.

Помещение вокруг заливал холодный свет от длинных ламп на потолке. В носу щипало от запаха хлора в смеси с формалином. Стены были выложены выцветшей голубой плиткой, а справа от себя я увидела деревянный шкаф со стеклянными дверками. Внутри него было несколько рядов металлических приборов: скальпели, разного размера ручные пилы, одна похожая на болгарку, но в меньшем по размеру хромированном корпусе, электрическая пила и железные шприцы. Такого комплекта хватило бы, чтобы даже пересадить голову.

От угрожающего вида композиции колюще-режущих предметов у меня застучало в висках. Хотелось бежать, но я всё ещё едва переставляла ноги. Одной рукой придерживая простыню, я поковыляла к двери.

Из старомодной операционной я попала в проходную комнату при ней. В неё поместился только письменный стол, за которым сидел высокий мужчина, сутулившийся, лечи в клетчатой рубашке. Качая плешивой головой, он что-то записывал в большую тетрадь. Из-за воткнутых в уши наушников похититель (а именно так я сперва и подумала — меня похитили. Опоили чем-то, вот я пока и не могу вспомнить, что вчера было) не заметил движения за спиной.

«А, а, а, стайн алайв», — мурлыкал он себе под нос. Не придумав ничего лучше, я решила вооружиться скальпелем из коллекции в шкафу. К моему ужасу, скрип старого, много раз перекрашенного шкафа привлек внимание хозяина опе-

рационной.

Увидев, как он поднялся с места, я резким движением схватила острый как бритва скальпель. Замахнувшись, я попыталась предупредить незнакомца, что настроена серьёзно, но закашлялась, поэтому слова превратились в хрипящее бульканье. Выпучив глаза и хватая ртом воздух, он попятился на зад, налетел на стул и бездвижно распластался на полу.

Сжимая скальпель до белизны в костяшках, я пнула отрубившегося босой ногой. Один раз он смог промямливать что-то напоминающее «какого х...», но больше не реагировал.

Следующей комнатой оказалась кладовая, уставленная стеллажами полными пакетов с одеждой. Каждый пакет был аккуратно запечатан и имел бирку с надписью. «Вот педантичная сволочь! Наверное, возомнил себя киношном маньяком,» — думала я, ища бирку со своим именем. Спустя пару минут я разорвала пакет с надписью «Елизавета С. ДТП».

Концовка надписи меня озадачила. Разве я куда-то ехала?

Или, может, маньяк решил переиначить знакомую всем аббревиатуру? Добавить тайное послание? Душить толстым проводом? Доесть тело потом?

Наконец я спрятала озябшее тело в родные джинсы и футболку, которая оказалось порванной в трёх местах и почему-то чуть пахла бензином. Только в этот момент обрывки памяти в моей голове выстроились в складную картину. Вспомнила, как почти схватила вора. Как вскрикнула, услышав тормоза. Как удивилась... Но кому?

Из раздумий меня вывел звук подъехавшей снаружи машины. Не оглядываясь, я выскочила на улицу и понеслась прочь. Добежав до остановки, я запрыгнула в первый же попавшийся автобус. «В центр идёт?» — давя одышку, спросила я уставившихся на меня пассажиров. Пара человек неловко кивнули.

— Боря! Что случилось?! Почему ты на полу? — испугано вопрошала белокурая женщина в белом халате. Её коллега не знал, сколько времени он провел в отключке. Он и не думал, что его в этой жизни ещё способно что-то напугать. Впрочем, оживший спустя три дня в холодильнике труп способен ужаснуть до чёртиков даже главного городского патологоанатома.

Всё время, пока я добиралась на автобусе домой, соседнее из парных сидений оставалось свободным. Прислонив голову к стеклу, я мечтала прыгнуть в родную кровать. Однако, попав домой, я обнаружила, что больше не валюсь от усталости. Более того, я ощутила такой прилив энергии, что, казалось, будь похититель рядом ему бы не поздоровилось. Ох, я бы не стала искать скальпель, а набросилась на него сзади и задушила голыми руками!

Образы яростного возмездия закружились у меня в голове. От злости я даже порвала шнурок, когда снимала кеды. Это немного отрезвило меня, и я заметила, что в комнате Оленьки гремела музыка. Я постучалась, затем отворила её дверь, но соседка не заметила моего появления. Караоке надрывался слезливой песней, заглушая все остальные звуки.

— Но, знаешь, я скучаю по тебе в вагонах сонных поездов! — не попадая в ноты орала заплаканная Оленька. В одной руке она держала рожок, шарик мороженого из которого растаял и выпал на пол, в другой микрофон, покрытый слоем разноцветных блёсток. Рядом с ней в липкой розовой луже лежала пустая бутылка шампанского.

— Поздравляем, вы побеждаете в нашем конкурсе песен по причине смерти всех ваших соперников от ушного кровотечения! — провозгласила я, выключая музыку.

— Эй, не мешай мне грустить! У меня, между прочим, подруга... — возмутилась Оленька, но вдруг осеклась, словно забыв, как дышать. Пару секунд она просто смотрела на меня, беззвучно шевеля губами. Даже не моргала. Затем вскочила на ноги и завизжала во весь голос.

— Эй, что такое? Ай! — отшатнулась я от обезумевшей подруги. Микрофон от испуга вылетел из её рук и чуть не угодил мне в голову.

— Не может быть! Лиззи! Почему ты здесь? Я же видела, как ты... — голос у Оленьки дрожал. От моего вида она будто даже протрезвела.

— Да что я сделала? — вопрошала я, держась за голову, но Оленька продолжала истерику.

— Я не понимаю... Думала ты умерла... Зачем поступать так со мной? — смахивая слёзы с порозовевших щёк, ответила Оленька.

— Что за чушь? Я всего лишь ночь не была, а ты устраиваешь тут драму! Кстати, ты не помнишь с кем я вчера ушла, а то у меня конец дня напрочь выпал из памяти?

— Ночь?! — возмутилась Оленька. — Ты на три дня пропала! Хотя, знаешь, с тем что ты исчезла, никому ничего не сказав, я бы смирилась, но что за дурацкий розыгрыш с видео?! Я реально подумала, что ты умерла! — Оленька в сердцах попыталась толкнуть меня, но от этого сама едва устояла на ногах.

— Во-у, что?! Зачем ты говоришь такое? — спросила я,

чувствуя, как срывается голос. — И что ещё за видео?

Шмыгая носом, Оленька принялась скидывать со своего стола бумажки из-под шоколадок и пустые коробки от конфет. Найдя мобильный, она ввела пароль и бросила его в мою сторону. Мне удалось поймать его у самого пола.

— Так же нельзя! Я же два часа рыдала после того, как его посмотрела! — воскликнула Оленька. Её лицо снова утонуло в слезах

Дрожащими руками я стала проверять содержимое смартфона, а в это время Оленька подняла с полу бутылку и выудила оттуда последние капли. Пролистав галерею смартфона, я обнаружила видео с типичным для часто пересылаемых роликов заголовком «Страшное ДТП у музыкального магазина. Жесть!!!»

Я нажала на «плэй».

Видео уже закончилось. Спустя пару минут я всё еще не могла отвести взгляд от смартфона. В черноте потухшего экрана отражались мои растерянные глаза.

Запись, которую я только что посмотрела, снял один из участников группы, которая должна была тогда у нас выступать. Кажется, басист. Он вместе с толпой примерно из двадцати человек искал новое место для тусовки. Картинка на экране судорожно скакала, а в кадре мелькали смеющиеся лица. Затем под улюлюканье толпы камера приблизилась к рыдающей на лавочке девушке. Я узнала Оленьку. Кто-то ки-

нул в неё бутылкой, но промахнулся. От этого снимающий чуть уронил телефон в припадке животного смеха. Впрочем, Оленька не обратила на это внимание, а только плакала, что-то приговаривая. Всех её слов было не разобрать из-за шума. Отчётливым оказался только обрывок фразы: «...даже это не смогла — не зря вся семья считает меня...»

Видя, что Оля не реагирует на их выходки, толпа направилась дальше. Кто-то из компании на видео предложил отправиться в бар через дорогу от лавки пластинок.

Светофор на пешеходном переходе задержал толпу, за что сразу же поплатился. Кто-то резво, как обезьяна, вскарабкался на его вершину. Толпа одобрительно гоготала. Вдруг всех отвлек свист тормозов.

Камера повернулась и крупным планом остановилась на мне. Я лежала на дороге так, словно потерянная тряпичная кукла. На руках и ногах ссадины, а волосы слиплись из-за текшей изо рта крови. «Вот пиз...» — произнёс снимающий на последней секунде.

«Это полный бред!» — воскликнула я, возвращая Оленьке смартфон. События из ролика никак не могли быть правдой, но почему от свиста тормозов стало так тесно в груди?

Игнорируя требования подруги дать хоть какие-нибудь объяснения, я побрела себе в комнату. Взяв с полки плеер, я наконец свали лилась в кровать. Музыка приглушила гул в налитой свинцом голове. Наволочка мгновенно стала влажной. Я осознала, что не замечала, как рыдаю.

Постепенно меня отпустило. Когда голова прояснилась, начали появляться вопросы. Если авария из видео правда, то почему на мне нет никаких следов? А что случилось с тем, кто меня сбил? Оказаться под колёсами неприятно, но сейчас я целая и невредимая и не уверена, какое наказание должен понести водитель. Впрочем, будет несправедливо, если он проехался по мне и даже не остановился!

Оленька плакала ещё до аварии. Неужели её так расстроил сорванный концерт?

А еще Оленька сказала, что я пропала на несколько дней. Получается лавка, у которой и так проблемы с финансами, не работала всё это время?

Найти хоть какие-то ответы я могла только в лавке. Я подумала сначала позвонить Роберту, но представила, как глупо будут звучать мои оправдания про провал в памяти. До-

бираться решила пешком, надеясь, что прогулка на свежем воздухе поможет мне найти нужные слова.

Сменив одежду, я заскочила в ванную, чтобы умыться перед выходом. Не планировала задерживаться там больше пары минут, но мой взгляд приковало зеркало, которое регулярно провоцировало Оленьку сделать фото своего наряда. Я не очень люблю фотографироваться и обычно максимум проверю в нём свою причёску. И сейчас тоже лишь поправила отбившийся от остальных локонов, ставший от влаги ещё чернее. Тем не менее в отражении всё равно осталось что-то неестественное. Придвинувшись вплотную к зеркалу, я поняла, что было не так: на моем лице не осталось ни одного дефекта. Не осталось и следа от старого шрама на лбу. Стоило коснуться лба, и в памяти всплыло лето, когда я его получила.

Когда мне было одиннадцать, а моему брату восемь, мы всё лето катались на велосипедах. Мой брат был меньше своих сверстников и сильно ниже меня, поэтому ездил на обычном детском велосипеде. Я же гоняла на новом скоростном велосипеде.

Я только и делала, что обгоняла его, а потом дразнила, оборачиваясь к пыхтящему брату. Однажды я снова обогнала его, чтобы построить рожицу, но не заметила упавшую на дорогу ветку и кубарем полетела на обочину. Велосипед получил согнутое под 90 градусов колесо, а я разбитые колени, ссадину на руке и шрам на лбу. После этого брат дразнил

меня, называя «Гарри Поттер в юбке».

В школе я сильно комплексовала из-за этого шрама. Делала чудаковатые прически, чтобы скрыть его, а сейчас его не было. Пальцы коснулись лба, ощутив мягкую ровную кожу. Чем дольше я смотрела, тем меньше узнавала лицо в отражении. Меня одолело чувство «зловещей долины». Передо мной стояла почти я. Словно откликаясь на мой страх, в ванной моргнул свет.

Кожа у моего отражения была идеальной: ни одного бугорка от акне, пропали круги под глазами, поры стали ровными, как у манекена. Исчезла даже морщинка, которая начала образовываться у меня на лбу из-за того, что жизнь по соседству с Оленькой частенько дает повод саркастически вскинуть бровь.

Свыкнувшись с внезапными переменами во внешности, я осознала, что вопреки страху первый раз в жизни чувствую себя красивой. Выходя из ванной, я последний раз взглянула в зеркало и заметила, как по губам скользнула улыбка.

Через несколько минут я быстрым шагом двигалась по улице. Впрочем, я оставалась в таком бодром расположении духа, что почти бежала в припрыжку, подпевая песне в наушниках. Остановившись на светофоре, я почувствовала, как чужие взгляды скользят по мне. Прикрыв глаза, я кивала в такт музыке, невольно задирая подбородок.

Вдруг меня словно кто-то окликнул. Я посмотрела по сто-

ронам: несколько раз столкнулась с прохожими взглядами, заставив их опустить глаза, никто не пытался со мной заговорить. Каждый стоял в молчаливой досаде на светофор, который посмел украсть 30 секунд их драгоценной жизни. Выделялся только мужчина лет пятидесяти. Впрочем, вызывал интерес не его внешний вид. Он был в старой зеленой рубашке, чуть сутулился, а в руке была свернутая газета.

Привлекла же внимание мистическая тёмная аура вокруг его полностью седой головы. Он нёс её, словно прозрачный шлем. Аура пульсировала и, казалось, даже поглощала солнечный свет. Кроме меня её, кажется, никто не замечал. Почему-то я была уверена, что это не плод моего воображения. И я не могла себе объяснить, почему меня к ней так влечёт.

Рука сама собой потянулась, чтобы коснуться её, но загорелся зеленый свет. Поток людей сдвинулся с места, оставив меня в нелепой позе.

Конечно же, я понимала, что сейчас не следует отвлекаться. Поход в лавку был куда важнее. Но, выпустив из вида этого странного человека, я получила бы ещё одну нерешённую загадку. Впрочем, я уже не отличала, где заканчиваются мои доводы и где начиналось необъяснимое влечение к ауре. Я почувствовала, что обязана проследить за ним, чтобы знать, где его искать после встречи с Робертом.

Я следовала за стариком несколько кварталов, стараясь держаться на расстоянии. Следить за ним было несложно: хоть я и отдалилась настолько, что незнакомец почти пропал

из виду, я кожей чувствовала эту тёмную ауру. Более того, я сверхъестественным образом видела весь путь, по которому он двигался. Так я нашла дом, в котором, вероятно, и жил носитель ауры. Безликая многоэтажка в спальном районе города — не то место, где ждешь встречи с необъяснимым явлением.

Я прождала несколько минут, надеясь, что кто-то откроет домофон, и мне удастся проскочить внутрь, но никто не появлялся. След ауры в воздухе начал угасать. Бродя из стороны в сторону, я поглядывала на дверь, чувствуя, как утекают секунды.

Я стала судорожно набирать в домофон случайные квартиры. Наконец мне ответили:

— Кого еще принесло? — спросил недовольный женский голос. Я забыла придумать правдоподобный ответ, чтобы меня впустили, и стала импровизировать.

— Здравствуйте, откройте, пожалуйста, я из... — начала просить я, но меня тут же грубо перебили.

— Открыть? Ты швейцара тут во мне нашла? Пусть твои мужики тебя запускают!

От услышанного у меня забурлило в груди так, что сжались кулаки. Я стукнула по двери и громко выпалила в панель домофона:

— Открой мне! Быстро!

Я не узнавала свой голос. Откуда-то из груди поднялась ошеломительная сила, а затем вырвалась, наполняя каждое

слово мощью грома. Нутром я почувствовала, что овладела собеседницей. Не знаю, почему, но понимала, что вся сущность женщины из домофона капитулировала перед моей волей.

— Да... Да... Я откроюсь тебе! Но ты не понимаешь... Он столько работал! Я чувствовала себя такой одинокой... Я ведь не со зла... — полились рыдания из домофона.

Злорадная улыбка коснулась моих губ. Собственная реакция на слова этой женщины испугала меня больше, чем открывшаяся сила.

Дальнейшие её слова стали неразборчивыми. Нажала ли она на кнопку случайно? Или приказ передался по связи, которую я чувствовала между нами? Впрочем, неважно. Ведь передо мной вновь открылся истончившийся след тёмной ауры.

С каждым этажом след терял чёткость. Его влияние на меня начало спадать. Стало легче дышать, словно с меня сняли поводок. Вся эта слежка за незнакомцем показалась мне полной глупостью. Краткое помутнение. Уже сейчас становилось неловко его вспоминать.

Я развернулась, чтобы скорее спуститься, но машинально обернулась на звук отворившейся двери. Тот самый седовласый мужчина вышел из квартиры с черным пакетом в руках. Он уже успел сменить рубашку на застиранную белую майку. Оголились его худые, но жилистые, как у шахтёра, руки. Ко-

гда незнакомец выходил, едва заметный отзвук тёмной ауры ещё окружал его голову. Когда он заметил меня, от ауры не осталось и следа.

— Милочка, не поможешь старику? Донесешь пакетик до мусоропровода? — обратился он ко мне. Елейный тон голоса и мягкая улыбка на морщинистых губах создавали впечатление добродушного старика. Сейчас он выглядел куда старше, чем на улице.

— Угу, конечно, — ответила я. Стараясь не поднимать взгляд, потянулась взять пакет.

Дальше всё случилось так быстро, что я даже взвизгнуть не успела. Когда я почти взяла мусор у незнакомца, его руки неожиданно вцепились в моё запястье. Как рыбу на крючке меня затащило в квартиру. Казалось, что от рывка такой силы мне должно оторвать руку. Я повалилась на пол коридора, а седой, прекратив притворяться стариком, шустро запер дверь.

Моя попытка подняться была остановлена ударом ногой в живот. Поились слёзы от чудовищной боли. Я не могла вдохнуть, не то, что позвать на помощь. Моя беспомощность явно позабавила седого. Он взял приготовленный заранее моток скотча и связал мне руки за спиной. Еще одним куском скотча заклеил мне рот. Откусывая нужную длину, седой вгрызался в ленту пожелтевшими зубами.

Через пару минут седой взял меня под руки и оттащил в комнату. Теперь я сидела на полу спиной к стене, на ко-

торой висел ковёр с геометрическим орнаментом. От взгляда на него сразу кружилась голова. Седой задвинул шторы и включил телевизор погромче — голос диктора, читающего новости о визите президента из неизвестной мне африканской страны, заполнил комнату. Седой взял пульт и переключил на музыкальный канал. Заиграла «Unforgiven II» Умереть под Металлику? Певица Оля Чикина бы одобрила.

Дезориентация от удара прошла, и я попыталась подняться. Оказалось, что с руками за спиной сделать это не так уж просто. Я собрала все силы и немного приподнялась с пола, за что поплатилась ещё одним ударом, но уже по голове.

— Куда собралась, крошка? — рявкнул седой, склонившись надо мной. — Ну вот зачем ты шла за мной? А?

Последняя фраза прозвучала с неожиданной горечью. В этот момент в глазах проскользнула нотка сожаления. Вокруг головы снова едва заметно проявилась тёмная аура. Я попыталась сказать, что всё это недоразумение, но из-за скотча вышло только мычание.

— Не надо шуметь, зайка... Всё равно всё уже предрешиено. Пойми меня, я не плохой, но просто иногда я... не знаю, как сказать, не могу держать этот мучительный позыв. Я же стараюсь побороть эту жажду! Вот пять... Или шесть? Нет, всё-таки пять лет держусь уже. Хотя, наверное, уже можно сказать «держался», да?

Седой встал и направился к шкафу. Он открывал дверки одну за одной, пытаясь что-то найти. Аура возле его головы

набирала цвет, а он продолжал говорить:

— Я знал, что не смогу держаться вечно, вот и приготовил кое-что на этот случай, — сказал он и открыл дверцу нижнего ящика. Из переполненного хранилища посыпалась женская обувь. Среди вывалившейся обуви были и потускневшие остроносые туфли, которые носили в девяностые, и ещё не успевшие состариться балетки. — Вот она! Нашёл!

Похититель вернулся ко мне с маленькой бутылкой коньяка в руках.

— Точно такую же я купил после первой охоты. Прямо как ты она тоже сама пришла ко мне... — при слове «она» аура стала чёрной, как безлунная ночь. — Эх... будешь глоток?

Седой протянул мне бутылку. Отказ мог спровоцировать его перейти сразу к делу, а я хотела потянуть время любым способом. Я кивнула.

Седой не мог представить, какую ошибку он только что совершил. Вернувшаяся аура не только манила меня к себе, но каким-то образом наделяла меня силой. Я чувствовала, как между нами возникает связь даже более сильная, чем с женщиной из домофона. Седой протянул горлышко бутылки к моему рту и заметил, что я улыбаюсь. Затем он посмотрел мне в глаза и отшатнулся, выронив бутылку на пол. Напиток вперемешку с осколками окропил мои ноги. В самом крупном из осколков отразилось мое лицо. Два красных огня горели у меня вместо глаз.

Опомнившись, седой попытался наброситься на меня. Он

выставил руки, чтобы задушить пугающее его существо, но остановился, повинувшись моему приказу «Стой!». Слово вырвалось из моей груди утробным рыком.

Далее, повинувшись моей воле, седой взял один из осколков и разрезал скотч на моих руках. Потирая запястья, я поднялась на ноги и побежала к выходу из квартиры. Дверь была заперта на несколько замков, и мне понадобилось некоторое время, чтобы отпирать их один за одним. Повернув последнюю задвижку, я повернулась и в сердцах выпалила:

—

Таких, как ты, не должно быть на Земле!

— Я знаю, — без единой эмоции на лице ответил седой, затем поднял с пола один из осколков. По тому, как он посмотрел на него, я всё поняла. Я вскрикнула и выбежала в подъезд. Выбежав на улицу, я с трудом заставила себя перейти на спокойный шаг, чтобы не привлекать лишнее внимание.

Убедившись, что дом седого остался далеко позади, я всё же перешла с быстрого шага на бег. Когда ноги уже отказывались нести меня, я остановилась перевести дыхание. Упёршись одной рукой в бок, который невыносимо болел, другой я стряхнула со лба влажные от пота волосы. Успокоив дыхание, я горько усмехнулась и даже присвистнула, как водитель, только что избежавший лобовой аварии с грузовиком. Впрочем, меня не покинуло чувство, что где-то рядом сквозит опасность. К которому я не прислушалась, снова и снова ругая себя за неуместное любопытство.

Я искала себе оправдание в мысли, что интерес к чужой жизни — это наш общий порок. Сохраняя суть, меняются лишь его губительные формы. Будь то Гера, следящая за очередной смертной любовницей Зевса, или потерявший рассудок бездомный, преследующий Мадонну, потому что решил, что она — его «жена». Не хочется признавать, но по уровню безумства мой случай всё же был ближе ко второму.

Я вышла на перекрёсток двух маленьких улиц. Чтобы отвлечь себя от всяких мыслей, определить, в какой стороне лавка, я запустила пальцы себе в волосы. Но вместо передышки почувствовала, как холодок пробежал по затылку. Повинуясь инстинкту, я обернулась. Примерно в двадцати метрах от меня кто-то застыл посреди тротуара и смотрел

прямо на меня. Я сделала шаг — он тоже. Будучи ещё на взводе от встречи с престарелым маньяком, я выпалила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.